

Котов Артемий Александрович

Институт лингвистики

РГГУ (г. Москва)

arco@online.ru

Описание речевого воздействия в лингвистической модели

Речевое воздействие традиционно рассматривается как междисциплинарная проблема и изучается в рамках целого ряда научных концепций [1]. В лингвистике предложено достаточно много подходов к пониманию речевого воздействия, которые отчасти позволяют прояснить механизмы, действующие при речевом воздействии. Речевое воздействие может быть описано как передача смыслов от адресанта к адресату, как социальное или коммуникативное взаимодействие [2], а также как частный случай манипуляции [3]. В ряде работ речевое воздействие рассматривается как совокупность приёмов, которые используются в ориентированных на воздействие текстах. В качестве таких приёмов могут рассматриваться типы искажения истины [4], речевые средства или, в общем случае, средства, принадлежащие различным компонентам лингвистической и концептуальной моделей [5, 6]. Значительный вклад в понимание механизмов, действующих при речевом воздействии, был внесен концептуальными моделями. Механизмы речевого воздействия в этих моделях могут быть представлены как операции с концептуальным представлением идеологии [7], как отношения между входными данными и формированием намерений [8] или как особые системы, перехватывающие управление концептуальной моделью в критических случаях [9].

В настоящем докладе мы представляем общую модель для единицы, моделирующей речевое воздействие, а именно, распознающей в семантическом представлении текста затрагивающие адресата смыслы и дающей сигнал к запуску соответствующей реакции. Дополнение лингвистической модели инвентарем таких единиц позволит описать ряд эффектов, наблюдаемых при речевом воздействии.

Смещение смысла при речевом воздействии

При рассмотрении текстов СМИ, направленных на речевое воздействие, а также при рассмотрении некоторых типов эмоциональных коммуникаций мы можем отметить, что адресант часто модифицирует смысл высказываний, чтобы сделать их более убедительными или, по мнению адресанта, оказывающими большее воздействие.

Изменение смысла ведет к изменению поверхностного представления текста, и в результате мы можем получить два разных высказывания для описания одной и той же денотативной ситуации. Одно из этих высказываний будет «нейтральным», а во втором высказывании некоторые семантические признаки будут смещены под действием эмоционального состояния адресанта или с целью оказать воздействие на адресата. Такие смещения могут иллюстрироваться следующими парами примеров, где высказывание (а) является нейтральным, а высказывание (б) вызвано эмоциональным состоянием или ориентировано на воздействие.

(1а) *Он очень любит футбол.* (1б) *Он думает только о своем футболе.*

(2а) *Дума сегодня целый день обсуждала бюджет.* (2б) *Дума занимается только своим бюджетом.*

Возможность представить одну денотативную ситуацию при помощи разных текстов рассматривалась в литературе как явление «вариативной интерпретации действительности» [1]. Был отмечен тот факт, что средства «вариативной интерпретации действительности» могут использоваться для речевого воздействия. Естественное наблюдение состоит в том, что смещение семантики для получения «воздействующего» высказывания не является произвольным. Мы можем предположить существование некоторого механизма, который распознает в семантическом представлении текста воздействующие смыслы и запускает соответствующие реакции. В этом случае смещение признаков при переходе от примеров (а) к примерам (б) может объясняться желанием адресанта приблизить семантическое представление своего текста к тем смыслам, которые умеет распознавать механизм воздействия, и вызвать у адресата соответствующую реакцию.

Мы предполагаем, что отдельные механизмы воздействия могут запускаться высказываниями, сообщающими об опасности для адресата, об обмане адресата, об ограничении свободы адресата или о присвоении третьим лицом некоторых ресурсов, принадлежащих адресату. Мы кратко покажем, что такие механизмы воздействия могут быть описаны единообразно с механизмами рационального вывода.

Определение единицы для моделирования речевого воздействия

Делая попытку моделировать речевое воздействие, мы можем просто пытаться распознавать воздействующие компоненты в смыслах анализируемых текстов. Однако в реальных текстах адресант часто стремится скрывать воздействующий смысл в пресуппозициях и импликатурах. Соответственно, для адекватного анализа речевого воздействия лингвистическая модель должна взаимодействовать с механизмом

моделирования выводов – концептуальным уровнем или моделью обработки концептуальной информации [7].

Концептуальный уровень оперирует признаковыми моделями или концептуализациями. На концептуальном уровне может определяться набор отношений или правил, в соответствии с которыми при обнаружении одной признаковой модели анализатор строит другую признаковую модель. Например, сообщение о повышении уровня инфляции может заставить адресата сделать вывод о приближающемся падении уровня жизни. При этом адресат будет применять к смыслу сообщения правило ‘инфляция’ => ‘падение уровня жизни’. Для обозначения этих отношений мы будем использовать термин сценарий [7, С. 325].

Единицы, распознающие воздействующие смыслы, могут быть описаны единообразно с правилами вывода - сценариями. Если сценарий обнаруживает в семантическом представлении начальную признаковую модель и строит конечную признаковую модель – результат вывода, то механизм речевого воздействия также опознает некоторые начальные признаковые модели в смыслах текстов или в результатах вывода, но вместо конструирования других признаковых моделей запускает некоторую реакцию. Например, сообщение об инфляции или сокращении зарплаты может пугать адресата.

Мы предлагаем обозначить единицу, моделирующую отдельный тип речевого воздействия, термином **доминантный сценарий (д-сценарий)**. Таким образом, доминантный сценарий определяется нами как отношение, связывающее определенный компонент семантического представления (начальную модель д-сценария) и реакцию – результат воздействия. Обнаружение начальной модели д-сценария в семантическом представлении текста или в результатах вывода приводит к активизации этого д-сценария (в формальной модели мы можем присвоить каждому д-сценарию числовые переменные, фиксирующие степень активизации). В свою очередь, активизация д-сценария может запускать соответствующую реакцию – если это предусмотрено структурой нашей теоретической модели.

Если механизм вывода может быть применен к некоторому смыслу факультативно (при сообщении об инфляции мы можем начать рассуждать о её причинах или о её следствиях), то д-сценарии постоянно учитываются при анализе текста и активизируются всякий раз, когда некоторый смысл соответствует начальной модели д-сценария. При выборе термина мы хотели зафиксировать тот факт, что д-сценарии «доминируют» при анализе текста.

Понятие д-сценария позволяет нам дать достаточно простое функциональное определение речевого воздействия. Под **речевым воздействием** мы будем понимать коммуникацию, направленную на активизацию д-сценариев адресата.

Пример: д-сценарий СУБЪЕКТ (Субъективность).

В общем случае д-сценарии распознают в смысле текста такую ситуацию, когда некоторый ‘агрессор’ угрожает своими действиями интересам коммуниканта-‘жертвы’. Соответственно, начальная модель д-сценариев имеет валентности ‘агрессора’ (AGGR) и ‘жертвы’ (VICT). Например, некоторый общий д-сценарий, распознающий в тексте ситуацию опасности может быть представлен в виде ОПАСН(VICT, AGGR). Тогда, пример (3) *Терроризм представляет угрозу для каждого из нас* будет активизировать д-сценарий ОПАСН(AGGR(‘терроризм’), VICT(адресат)).

В данном докладе в качестве примера мы приводим определение более специфического д-сценария, который активизируется сообщениями о субъективности в действиях третьих лиц. Пусть концептуальный уровень нашей модели оперирует признаковой моделью для некоторого лица X, при этом необходимо, чтобы лицо X было для нас важным – это может быть наш родственник или руководящий нами политик. Пусть также нам известно, в какой ситуации действует лицо X и каковы его реакции. Если в своих действиях X не учитывает существенных факторов ситуации и предпринимает необдуманные, импульсивные действия, то это, возможно, будет нас задевать и оказывать на нас воздействие. Такое воздействие, например, может иметь место при восприятии примеров (1б), (2б), а также следующих высказываний:

(4) *Иванов думает только о себе.*

(5) *Как только прорывает трубы, местная администрация всё сразу валит на энергетиков.*

Воздействие этих примеров может описываться при помощи отдельного д-сценария, распознающего субъективность в действиях некоторого важного для нас лица. Определение д-сценария включает запись начальной модели этого д-сценария, то есть того смысла, который активизирует д-сценарий. Д-сценарий СУБЪЕКТ определяется следующим образом:

СУБЪЕКТ(AGGR, VICT [P] [, M₁(цель)] [, M₂]): Не учитывая релевантных факторов реальной ситуации, AGGR предпринимает или готов предпринять [любые] действия P [при обнаружении модели M₂ или для достижения целевой модели M₁(цель)].

В дополнение к определению в начальную модель д-сценария входит ряд признаков, изменение значения которых приводит к более успешной трансляции д-сценария. Эти признаки мы будем называть **критическими элементами** д-сценария. Понятие критического элемента может быть проиллюстрировано следующим образом. Если адресат опоздал к нам на встречу, мы можем эффективнее устыдить его, преувеличив время опоздания: (6) *Я жду тебя уже час*. Соответственно, 'время опоздания' будет критическим элементом при обвинении в опоздании. Можно рассчитывать, что чем больше мы преувеличим значение критического элемента, тем сильнее сможем устыдить адресата (если только наше преувеличение не будет достаточно большим, чтобы адресат легко фальсифицировал наше утверждение). Для записи критических элементов будем использовать треугольные скобки и перед скобками знаками «+» и «-» указывать, как должно меняться значение того или иного семантического признака для лучшей активизации д-сценария. Соответственно, использованный нами при обвинении в опоздании критический элемент может быть обозначен как +<время опоздания>.

В определение д-сценария СУБЪЕКТ входят следующие критические элементы:

+<количество AGGR> (*Все думают только о себе; Всем наплевать на простых граждан*);

+<временной интервал действий Р> (*Ты всю жизнь занимался только своими мотыльками; Дума еще целый год будет обсуждать свой бюджет*);

+<неизбежность Р при появлении M_2 > (*Он обязательно должен облаять каждую кошку; Когда трубы прорывает, местные власти непременно валят на энергетиков*);

-<интервал между M_2 и Р> (*Только я скажу про стиральную машину, ты сразу начинаешь орать; Как только трубы прорывает, местные власти сразу валят на энергетиков*);

+<сила / интенсивность действий Р> (*Он готов орать на всю улицу, чтобы ему купили мороженого; Наша программа о работе Коха на группу «Онексим» 26 июля вызвала тогда бурную реакцию Чубайса (С. Доренко); Он готов на всё, чтобы добиться своей цели*);

+<неадекватность, наивность M_1 /Р> (*Что я сделаю, если он обязательно хочет, чтобы ваза стояла вверх ногами? Правительство настаивает на том, чтобы инфляции вообще не было*);

-<важность M_1 > (*В начале девяносто седьмого года Лужков кому угодно горло бы перегрыз за право первым поздравить Ельцина с днем рождения. (С. Доренко)*);

+<субъективность в действиях Р, субъективность М₁> (*Значит, ты сам будешь выбирать, что дарить моей тётке? Правительство само решает, кому сколько давать*).

Свойства д-сценариев

Мы можем зафиксировать несколько свойств д-сценария, которые позволят описать ряд фактов, традиционно отмечавшихся при рассмотрении речевого воздействия.

1. Стремясь оказать воздействие или испытывая активизацию д-сценария, адресант смещает смысл текста в сторону начальной модели д-сценария. Например, высказывание (7) *Дума сегодня целый день обсуждала бюджет* может быть представлено в виде (8) *Дума вечно обсуждает свой бюджет*. При этом высказывание (8) отличается от высказывания (7) большей близостью его семантического представления к начальной модели д-сценария СУБЪЕКТ. Желание максимально приблизить смысл текста к начальной модели д-сценария заставляет адресанта выражать в речи критические элементы д-сценария (см. примеры при определении критических элементов). Данное свойство д-сценариев, в частности, позволяет описать явление «мультипликации», отмеченное Т. М. Николаевой при анализе средств лингвистической демагогии как приём плюрализации действий адресата: *Вы всё по театрам ходите, а я дома сижу* [10, С. 161].

2. Д-сценарии обладают значительной убедительной силой. Коммуникант, активизировавший д-сценарий, будет совершенно уверен в реальности его начальной модели. Так, если адресант на основании некоторых текстов или наблюдений активизировал д-сценарий СУБЪЕКТ и пришел к выводу, что ‘Дума занимается только бесполезными делами’, то он будет полностью уверен в том, что этот смысл соответствует действительности. Далее адресант будет пытаться обнаружить смысл, соответствующий д-сценарию, во всех дальнейших текстах, поступающих на анализ.

3. Активизация д-сценария формирует коммуникативный стимул и заставляет адресата вступать в коммуникацию. Мысль о том, что ‘правительство думает только о себе’, заставляет адресанта сообщать эту мысль другому лицу – при этом такая коммуникация не преследует никаких иных целей, кроме сообщения данного смысла. Коммуникативные стимулы, формируемые д-сценариями, лежат в основе ряда эмоциональных коммуникаций, которые будут рассмотрены нами далее.

4. Д-сценарии конкурируют с механизмами вывода при анализе текста. Единообразное описание механизмов вывода (сценариев) и д-сценариев позволяет нам

объяснить тот факт, что один и тот же текст может интерпретироваться рационально (с помощью активизации механизма вывода) или эмоционально (с помощью активизации д-сценария). Так, высказывание (9) *Мировой рынок сформировался и Россию на нем никто не ждет* может вызывать острую эмоциональную реакцию, что соответствует активизации д-сценария «ненужность», или рациональное рассуждение следующего вида: *Если Россия будет поставлять дешевые и качественные товары – они могут составить конкуренцию на мировом рынке.*

Варианты распределения валентностей AGGR и VICT между коммуникантами

Основные коммуниканты – адресант и адресат – могут по-разному занимать валентности AGGR и VICT в д-сценарии. Это явление уже использовалось нами в примерах на различные критические элементы д-сценария: мы приводили примеры, в которых валентность AGGR по мнению адресанта занимал адресат: *Ты думаешь только о футболе* – или некоторое третье лицо: *Правительство думает только о бюджете*. Рассмотрим возможные варианты распределения между коммуникантами ролей AGGR и VICT д-сценария СУБЪЕКТ. Нас интересуют такие случаи, когда хотя бы один из коммуникантов активизирует д-сценарий и отождествляют себя с ролью VICT. Роль AGGR при этом может занимать другой коммуникант или третье лицо. Далее в таблице мы представим варианты распределения ролей AGGR и VICT в соответствии с представлением адресанта. Адресат в коммуникации может согласиться на предлагаемое распределение ролей и поддержать основной тезис адресанта, либо выбрать иную коммуникативную стратегию.

	Роль адресанта	Роль адресата (по мнению адресанта)	Роль третьего лица (по мнению адресанта)	Тезис адресанта
1.	VICT	AGGR	-	конфликт: <i>Тебя интересует только твой футбол; Вы в своей Думе только на кнопки жмете!</i>
2.	VICT	-	AGGR	жалоба: <i>Мой муж думает только о футболе! Как только он видит другую собаку – сразу кидается пузом в грязь!</i>
3.	VICT	VICT	AGGR	коммуникация жертв (какой ужас!): <i>Современная молодежь только бегаёт по клубам и танцам! Правительство думает только о своём бюджете!</i>

4.	-	VICT	AGGR	<i>воздействие: Правительство думает только о своём бюджете! Наш мэр кидается на каждого инвестора, чтоб тот дал хоть рубль.</i>
----	---	------	------	---

Таблица. Ожидания адресанта относительно распределения ролей начальной модели д-сценария СУБЪЕКТ между коммуникантами.

Коммуникант, который активизирует д-сценарий, должен считать, что он сам занимает в этом сценарии валентность VICT. Тезис этого коммуниканта будет следующим: ‘я страдаю из-за субъективных действий другого лица’. Адресант, который активизировал д-сценарий СУБЪЕКТ и счел, что ‘агрессором’ является адресат, будет сообщать высказывания типа (10) *Ты думаешь только о себе*. В этом примере адресант занимает валентность VICT, а адресат (по мнению адресанта) – роль AGGR. Адресант при этом активизирует следующий д-сценарий:

СУБЪЕКТ(AGGR(адресат), VICT(адресант), P(‘думать о себе’)).

Такое распределение ролей часто имеет место при конфликтной коммуникации и отмечено нами в строке (1) таблицы. Адресат конфликтной коммуникации часто не соглашается с предлагаемой ролью ‘агрессора’. Обычно, он активизирует симметричный д-сценарий, считая, что валентность AGGR занимает адресант, а сам он занимает валентность VICT. Использование д-сценария позволяет объяснить обычный для конфликтной коммуникации ответ адресата (11) *Ты сам думаешь только о себе!*

Строка (3) таблицы представляет коммуникацию жертв – она достаточно точно соответствует игре «Подумайте, какой ужас!», описанной Э. Берном [11, С. 88-90]. Оба коммуниканта занимают в д-сценарии валентность VICT и ругают третье лицо, занимающее валентность AGGR. Коммуникация жертв может иллюстрироваться следующим примером:

(12) – *Правительство думает только о своём бюджете!*

– *Да, им совершенно на нас на всех наплевать!*

Распределение ролей при речевом воздействии похоже на случай коммуникации жертв. Адресант сообщает адресату, что тот занимает валентность VICT в некотором д-сценарии, где валентность AGGR занимает третье лицо, против которого и направлено воздействие. Разница состоит в том, что адресант коммуникации типа речевое воздействие сам не активизирует д-сценарий (как в рассмотренных ранее случаях), однако он намерен вызвать активизацию д-сценария у адресата для достижения каких-либо своих поведенческих целей. В коммуникации типа речевое воздействие мы можем ожидать высказываний, похожих на коммуникацию жертв.

Чтобы не вызвать обвинений в неискренности, при речевом воздействии адресант может занять коммуникативную позицию, в соответствии с которой он сам будет якобы возмущен действиями третьего лица - 'я возмущен действиями правительства и хочу, чтобы и ты был ими возмущен'. При этом на самом деле тезис адресанта будет следующим - 'я хочу, чтобы ты был возмущен действиями правительства, потому что я хочу, чтобы ты проголосовал за оппозицию'. Различие между позициями адресанта в коммуникации жертв (где адресант активизирует д-сценарий) и в коммуникации типа речевое воздействие (где адресант не активизирует д-сценарий) представляет основную трудность при выделении случаев речевого воздействия.

Использование понятия д-сценария позволяет дать единообразное описание для ряда эмоциональных коммуникаций и представить речевое воздействие как их частный случай, отличающийся особым распределением валентностей д-сценария между коммуникантами.

Использование д-сценариев для интерпретации текстов СМИ

При интерпретации конкретных текстов СМИ адресат благодаря наличию в тексте критических элементов опознает и активизирует д-сценарии, то есть испытывает речевое воздействие. При теоретическом подходе использование д-сценариев позволяет интерпретировать большое число семантических признаков в составе текста. В частности, обнаружение в тексте критических элементов того или иного д-сценария позволяет нам утверждать, что текст был ориентирован на активизацию д-сценария адресатом, т. е. на речевое воздействие. Рассмотрим применение д-сценариев при интерпретации конкретных примеров из текстов СМИ.

(13) *Показания против Климкина были даны в начале девяносто седьмого года, когда Лужков был самым первым и большим другом Ельцина. В начале девяносто седьмого года Лужков кому угодно горло бы перегрыз за право первым поздравить Ельцина с днем рождения.* (С. Доренко. 19 сентября 1999 г.).

Пример направлен на активизацию д-сценария СУБЪЕКТ(AGGR('Лужков'), ВИСТ(адресат), M₁('поздравить Ельцина с днем рождения')), причем глагольная группа *перегрызть горло* кодирует в тексте примера критический элемент +<сила / интенсивность действий P>.

В данном примере смысл именной группы *первый и самый большой друг Ельцина* приписывается 'Лужкову', то есть представлен как суждение 'Лужкова'. Этот фрагмент также свидетельствует о субъективности 'Лужкова' (поскольку 'Лужков

выдает желаемое за действительное’) и направлен на речевое воздействие. Мы считаем, что воздействие этого фрагмента может быть описано с помощью незначительного расширения начальной модели д-сценария СУБЪЕКТ и включения в эту модель смысла ‘если AGGR желает X, AGGR считает, что X имеет место’.

(14) *В этой связи Лужков начал кампанию за то, что Россией должен править совершенно здоровый президент, желательно, без кредитной карточки вообще, а как минимум, без кредитной карточки иностранного банка.* (С. Доренко. 26 декабря 1999 г.)

Пример направлен на активизацию д-сценария СУБЪЕКТ(AGGR('Лужков'), VICT(адресат), M₁('отсутствие кредитной карточки как наиболее важный признак будущего президента')). Критический элемент +<сила / количество P> в данном примере кодируется глагольной группой *начал кампанию*.

(15) *Итак, Батулин попросил мэрию устроить пресс-конференцию, чтобы его сотрудники посмотрели на него по телевизору. Мэрия не могла отказать Батулину. Его просьба была удовлетворена. Мэрия также показала по телевизору Юрия Лужкова. Об этом тоже попросил Батулин.* (С. Доренко. 3 октября 1999 г.)

Пример направлен на активизацию двух д-сценариев: СУБЪЕКТ(AGGR('Батулин'), VICT(адресат), P('просить мэрию устроить пресс-конференцию'), M₁('сотрудники смотрят на Батулина по телевизору')) и СУБЪЕКТ(AGGR('Московская Мэрия'), VICT(адресат), P('выполнение просьб Батулина'), M₂('просьбы Батулина')). Критический элемент +<неизбежность P при появлении M₂> для второго д-сценария кодируется в данном примере предложением *Мэрия не могла отказать Батулину*.

Заключение

В данном докладе мы представили общую модель д-сценария как единицы, моделирующей в общей теоретической модели восприятия текста некоторые эффекты речевого воздействия. Мы надеемся, что дополнение лингвистических и концептуальных моделей инвентарем д-сценариев позволит более полно моделировать механизмы синтеза и анализа текста в теоретических и прикладных системах. Мы, также, предполагаем, что использование д-сценариев позволит частично описать механизм формирования коммуникативных стимулов и взаимосвязь между коммуникативными стимулами и семантикой текста. В дополнение к этому, д-сценарии могут использоваться в прикладных областях лингвистики при анализе текстов СМИ и лингвистических экспертизах.

Литература

[1] Баранов А. Н., Паршин П. Б., Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986. - с. 100-143.

[2] Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. - М., 1991. - N 6. - с. 46-50.

[3] Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. - С. 55-73.

[4] Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974, вып. 4. - с. 108-117.

[5] Паршин П. Б., Сергеев В. М. Об одном подходе к изучению средств изменения моделей мира // Учен. записки Тартуского ун-та, Тарту 1984, вып. 688. Труды по искусственному интеллекту - С. 127-143.

[6] Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М.: "Азбуковник", 2001. – С. 181 – 208.

[7] Абельсон Р. П. Структуры убеждений. // Язык и моделирование социального взаимодействия, Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртене, 1998. - С. 317-380.

[8] Barsalou, L.W., Sloman, S.A., & Chaigneau, S.E. (in press). The HIPE theory of function. // L. Carlson & E. van der Zee (Eds.), Representing functional features for language and space: Insights from perception, categorization and development. New York: Oxford University Press.

[9] Sloman A. Beyond Shallow Models of Emotion. // Cognitive Processing: International Quarterly of Cognitive Science, 2(1), 2001. Pp. 177–198.

[10] Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. - М.: 1988. - с. 154-165.

[11] Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. - М.: Лист-Нью; Центр общечеловеческих ценностей, 1997. - 336 с.